

В Е Р А
КОЛОЧКОВА

**Читайте в серии
романы Веры Колочковой:**

- Слеза Шамаханской царицы
Провинциальная мадонна
Знак Нефертити
Дом для Одиссея
Благословение святого Патрика
Парадокс Гретхен
Ключи от ящика Пандоры
Партия для ловеласа
Обитель Синей Бороды
Синдерелла без хрустальной туфельки
Твоя жена Пенелопа
Коварство, или Тайна дома с мезонином
Слепые по Брейгелю
Третий ребенок Джейн Эйр
Исповедь свекрови,
или Урок Парацельса
Из жизни Мэри,
в девичестве Поппинс

В Е Р А
КОЛОЧКОВА

Из жизни Мэри,
в девичестве Поппинс

ЭКМО
МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К 61

Художественное оформление серии *А. Марычева*

*Ранее книга выходила под названием
«Няня ищет мужа»*

Колочкова, Вера.

К 61 Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс :
[повести] / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо,
2015. — 288 с. — (Счастливый билет).

ISBN 978-5-699-78099-0

Не успела Катя обрадоваться последним своим каникулам, как узнала печальные новости – от сестры ушел муж, оставив ее с тремя маленькими детьми. И пришлось Катерине все лето быть нянькой при своих племянниках. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло – девушка познакомилась с Гришей, сыном соседки, отзывчивым и веселым парнем. И стали ребята строить планы, чем можно помочь Катиней сестре, как ей мужа хорошего найти... Старшие сестры смеялись над ребятами поначалу, но ой как зря, знали ведь, что Катерина – девушка с боевым характером!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., текст, 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78099-0

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

«Ура! Свобода! Наконец-то каникулы... Целых три летних месяца впереди! Здорово как...» — легкомысленно пропела про себя Катя и подпрыгнула на ходу, пытаясь зацепить ветку сирени. Нет, не получилось. Бросив сумку с книжками в траву, снова подпрыгнула и уцепилась-таки за прохладную гроздь, подтянула тяжелую ветку, отломила небольшой отросток. Выскользнувшая из рук ветка тут же пружинисто и возмущенно рванулась вверх, словно не желая больше отдавать ни грамма кудрявой пахуче-нежной красоты. «А мне больше и не надо, чего ты... — вежливо извинилась перед ней Катя. — Мне для полного счастья и этой маленькой веточки хватит. Каникулы у меня! Понимаешь? Последние мои школьные каникулы...»

Сиренью зарос весь их маленький двор, примыкавший к старому трехэтажному кирпичному дому довоенной еще постройки. Ее ненавязчиво-мещанский аромат, смешиваясь с доносящимися из открытых окон запахами жарящейся картошки с луком и ядреных борщевых приправ, создавал

почему-то необыкновенное ощущение ясности и простоты жизни, понятной и повседневной ее прозрачности и некоего даже счастья... А кто сказал, что счастье не может пахнуть жареной картошкой с луком? Особенно в теплых майских сумерках, особенно в сиреневом дворе родного дома, где прошло твое детство...

Подняв из травы сумку с книгами, Катя весело перекинула ее через плечо и быстро пошла к своему подъезду — дома Соня ее заждалась, наверное.

— Катюш, ну где ты так долго? Я и ужинать не сажусь — тебя все нет и нет...

— Да мы с девчонками на дальний пруд ходили!

— Зачем?

— А проверили, можно там купаться или нет. Завтра же у меня каникулы начинаются, Сонь! Ох уж и купаюсь!

— Вот и не знаю, придется ли тебе купаться-то, Кать. Неприятности у нас большие. Леночка звонила...

— А что такое? С детьми что-то? — испуганно обернулась к ней Катя.

— Нет, с ребятами все в порядке.

— Уф, слава богу! А что тогда?

— Да бросил ее этот придурок! Муж так называемый... Садись давай ужинать быстрее, я расскажу.

Катя прошла из маленькой прихожей в комнату, скинула с себя и бросила на кровать юбку и белую школьную блузку, натянула старенький

ситцевый халатик. Пошла было на кухню, но, встретив на пути мамин взгляд, улыбающийся ей укоризненно с большого портрета на стене, круто развернулась, достала из шкафа плечики и, торопливо расположив на них свою одежду, так же торопливо засунула ее в шкаф. «Видишь, я хорошая девочка...» — улыбнулась она в сторону портрета. Показалось, что и мама ей тоже улыбнулась. Как всегда, впрочем...

— Сонь, а как это — бросил? — заходя на кухню и садясь за покрытый клетчатой клеенкой стол, возмущенно спросила Катя. — С тремя детьми мал мала меньше разве бросают? Ты что, Сонь, так не бывает...

— Бывает, Катюшка, бывает, — грустно вздохнула Соня, ставя перед ней тарелку с рассыпчатой гречневой кашей и одиноко пристроившейся сбоку бледной молочной сосиской. — Говорила я ей — ненадежный он человек, трусовато-хлипкий какой-то... Вот тебе и пожалуйста! И как она теперь одна с детьми справится?

— Ну да... А что она? Плачет?

— Ну конечно, плачет. Ты же знаешь нашу Леночку. Сидит вся, горем убитая. А самое интересное — с понедельника детсад на ремонт закрывают. Обидно, Тонечка только-только начала привыкать... И на работе ей отпуска не дадут — она недавно совсем устроилась. Это еще за то спасибо, что взяли на хорошее место с тремя малыши детьми!

— Сонь, так давай ребят на лето к себе заберем, а? Я же на каникулах!

— Да я сначала тоже об этом подумала... Только знаешь, нельзя ее там одну оставлять, изведется совсем. Она ж над детьми трясется, как курица-наседка! В общем, придется тебе, Катюшка, свое последнее лето в няньках провести. Вот прямо завтра с утра и поезжай к ней, чтоб к понедельнику успеть! Я б и сама поехала, да отпуск все равно не дадут — годовой отчет на носу.

Соня вздохнула, поковыряла вилкой гречку, задумалась.

— Даже есть не хочу, Кать! Целый день на работе ничего не ела, и не хочу. Прямо как обухом по голове ударили! Ну вот скажи — что это за мужик такой? Злой, капризный, детей совсем не любит... Да лучше век в девках вековать, чем с такой сволочью жить.

— Да ладно тебе! — с трудом проговорила Катя набитым кашей ртом. — Подумаешь, горе! Другого найдет!

— Да, Катюшка. В твоем возрасте все море по колено! И я вот такая же была, пока с вами одна не осталась...

Уже ночью, лежа в постели, Катя и сама тихонько, чтоб не услышала Соня, всплакнула в подушку — так Леночку жалко... Такая она у них сирота безответная — никогда себя защитить не может. Это она в маму, наверное... Они-то с Соней точно в отца пошли — уж умеют за себя постоять.

Почему-то Катя была уверена, что характер ей достался именно отцовский, да и внешность тоже, если судить по большой, увеличенной в несколько раз фотографии, вставленной в красивую рамку и висящей над ее кроватью вместе с портретом матери.

Ей ровно год был от роду, когда родители погибли, оставив старшую дочь, двадцатитрехлетнюю Соню, с восьмилетней тогда еще Леночкой и с ней, с Катей, совсем еще, получается, крохой на руках. Довольно глупо погибли — сами навстречу смерти полетели. Соня рассказывала — как получили письмо из детдома с приглашением на встречу выпускников, так ни минуты не сомневались — решили обязательно лететь в тот далекий, богом забытый сибирский городок. И ее, маленькую, хотели с собой взять, потому как грудная еще была. А Соня не дала — поезжайте, говорит, сами по себе, отдохнете от нас. Вот и отдохнули... Разбился их самолет над сибирской тайгой — никого в живых не осталось. И пришлось бедной Соне перекраивать свою жизнь, то есть быть сестренкам и мамкой, и нянькой. Благо, что эту квартиру в их военном городке навсегда им отдали, как детям погибшего офицера, а то б куда она с ними делась, родственников-то — никого. И ничего, что однокомнатная. Им и втроем места в ней всегда хватало. Тем более Леночка после школы в другой город уехала, в институт поступила, а потом сразу на втором курсе замуж выскочила.

А чтобы после гибели родителей их по детским домам распихать — Соня к себе такой мысли и близко не подпускала. Хватит того, что мама с папой в детдоме росли... Как определили их туда в пятилетнем возрасте, так они и не расставались никогда, до самой своей смерти. И любовь у них такая была, что все кругом завидовали. Соня с самого ее сиротского малолетства вместо положенных на ночь детских сказок только про маму-папу и рассказывала — какие они хорошие были, да как дружили, да как потом поженились, да как мечтали себе много-много детей завести... А чем не сказка? Такая любовь, как у них, только в сказках и бывает. И ничем она не хуже Иванушкиной-Аленушкиной...

Катя, когда говорить начала, Соню мамой называть стала. Потом, чуть позже, — мамой Соней. У нее и звучало одним длинным словом: Мамасоня. С тех пор так и привыклось — Мамасоня да Мамасоня...

— Эй, котенок, ты чего так сопишь подозрительно? Плачешь, что ли? — подняла вдруг с подушки голову Соня.

— Нет... — шмыгнув носом, промычала Катя.

— Да я же слышу... Ехать не хочешь, может?

— Хочу-у-у... Просто мне Ленку жалко...

— Да мне и самой жалко, Катюш! Но что теперь сделаешь? Мне вот он сразу не к душе пришелся, Толик этот, когда она его знакомиться привозила. А потом, когда близнецы родились,

я уж и смирилась... Что ж, думаю, раз двое детей сразу... А потом еще и Тонечка на свет появилась! Ленка так радовалась тогда... Помнишь, как сказала? Хочу, говорит, чтоб у меня тоже трое детей было, как у мамы с папой... Вот так сама и сказала — не у нас с Толиком, а у меня... Так теперь и оказалось...

Соня всхлипнула вдруг и тоже расплакалась, уткнувшись в подушку, горестно заходила полными плечами. Катя, подскочив на кровати, тут же кинулась к ней, обхватила за голову и, развернув к себе Сонино лицо, начала покрывать быстрыми поцелуями мокрые от слез ее щеки:

— Мамасоня, ну что ты! Не надо, не плачь... Вот еще, будем мы из-за него плакать! Не справимся, что ли? Если что — к себе ее заберем, все вместе вырастим и Сеньку, и Веньку, и Тонечку.

— Да справимся, конечно, Катюш... Не о том я плачу... Просто я ж хотела, чтоб вы обе счастливы были! Чтобы образование получили, чтобы семьи у вас были хорошие. Раз на меня с двумя детьми на руках никто не позарился, вот я и хотела, чтоб у вас все хорошо сложилось, вроде как в компенсацию. Леночка-то поторопилась замуж... Что ж это — на третьем курсе уже родила! Хоть институт окончить удалось — и то слава богу. Специальность у нее хорошая, худо-бедно прокормится. Да и я всегда помогу... А ты на ее ошибках учишься, Катюшка!

— Мамасоня, ну какие такие у Ленки ошибки? Да ну его вообще, этого ее Толика... Не плачь! Лучше расскажи мне сказку про маму-папу...

— Ой, ты что, маленькая, что ли? — рассмеялась сквозь слезы Соня. — Семнадцать лет девке, а она все сказку просит. И не стыдно тебе?

— Нет... Ни капельки... — устраиваясь под ее теплый бок, сонно проговорила Катя. — Давай, начинай.

— Ну ладно, слушай. Да и засыпай быстрее — утром тебе рано на поезд вставать. И в поезде смотри не выходи на остановках... Вообще, страшно мне тебя одну отпускать, да что делать? — вздохнула протяжно Соня, накрывая ее одеялом и проводя рукой по густым рыжим волосам. — Ну вот, значит жили были мальчик с девочкой, и не было у них мамы и папы...

* * *

Сойдя ранним утром с поезда и выйдя на при вокзальную площадь, Катя обнаружила вдруг, что совершенно не помнит ни номера автобуса, идущего в сторону Лениного дома, ни названия остановки, на которой ей надо выходить. А там еще где-то и пересадку делать надо... И немудрено, что не помнит — одна к Лене никогда не ездила, всегда вместе с Соней. «Вот ворона!» — ругнула она себя коротко. И звонить Лене в такую рань не хотелось — всех детей переполошит. И Соне тоже

не хотелось. Соня ее как взрослую от себя отпустила, а тут вдруг звонок — заблудилась, мол... Нет уж. Сама доберется. Язык, он и до Киева доведет.

Она долго выясняла у двух разговорчивых старушек, как же ей все-таки доехать до улицы Комсомольской. Старушки охотно взялись за объяснения, но довольно специфически — отправляли ее в абсолютно противоположные стороны. Они даже повздорили между собой, при этом каждая стойко и до конца отстаивала именно свою версию Катиного маршрута. В конце концов Катя отошла от них и обратилась за помощью к девушке, которая быстро назвала ей номера нужных автобусов и даже название остановки сумела воспроизвести из невразумительных Катиных пояснений: «...там вроде бы универсам есть и еще несколько серых таких домов в ряд стоят...» Что ж, и правда — язык до Киева довести может.

Лена открыла ей дверь и тут же бросилась на шею — бледная, глаза опухшие...

— Ой, Катька! Как же я соскучилась! Как здорово, что ты приехала! Мне же через пятнадцать минут на работу убежать надо! Посидишь с ребятами, ага? Ой, какая же ты умница... А как похорошела-то! Прямо девица взрослая совсем.

Тут же с визгом кинулись ей в ноги Сенька с Венькой — обожаемые белобрысые близнецы. Один вцепился в правую Катину ногу, другой — в левую.

— Ой, уроните же! — смеясь, наклонилась к ним Катя. Обняла одного, обняла другого, прижала к себе — обычная счастливая суматоха.

— Венечка, Сенечка, тише, пожалуйста! Не кричите так — Тонечку разбудите, — суетилась вокруг них Лена. — Катенька, пойдём, я тебе все покажу-расскажу.

Лена, на ходу одеваясь, протараторила про сваренную манную кашу, про ключи в прихожей на гвоздике, про деньги, хранящиеся в восьмом томе собрания сочинений Чехова, про шортикимаечки-колготки, чмокнула Катю в щеку и умчалась на работу, погрозив ласково близнецам пальцем — чтоб тетю Катю слушались!

— Ну? — закрыв за ней дверь, развернулась Катя к Сеньке с Венькой. — Хозяйничать будем? Я смотрю, вы ещё и не умывались.

— Умывались! Умывались! — в один голос завопили мальчишки, разбегаясь от нее в разные стороны.

— Так. Вперед в ванную! Шагом марш, быстро! — подхватив их под мышки, скомандовала Катя. — А потом на кухню — завтракать будем.

Посадив мальчишек за стол и поставив перед ними тарелки с манной кашей, она тихонько заглянула в комнату и тут же расплылась в радостной улыбке: Тонечка, проснувшись, стояла в своей кровати, уцепившись ручками за решетку, смотрела на нее удивленными глазками-пуговка-

ми. «Какая большая стала...» — подумала Катя, подходя к ней и ласково протягивая руки.

— Привет, малышка моя! Ты проснулась, что ли? Ну, здравствуй, котенок! Ты меня помнишь? Я Катя, тетушка твоя.

Тонечка вдруг скуксилась, удивленно ее рассматривая, скривила подозрительно губки и задышала глубоко, вот-вот собираясь заплакать.

— Мама де? Мама де? — захныкала она, колотя по решетке кровати пухлой ручкой.

— А мама скоро придет, котенок! Совсем скоро! Ты меня не узнала, что ли? Я же тетя Катя... Ну? Иди на ручки! Вот так... Какая ты тяжелая стала! — проговорила ласково Катя, выуживая Тонечку из кровати. — Сейчас мы с тобой уоемся, потом кашки покушаем. И я тоже с тобой поем, я тоже голодная. Пойдем, Тонечка.

С малышкой на руках она зашла на кухню и — опа... Картина перед глазами предстала еще та, которая, что называется, маслом писана — довольные близнецы упоительно размазывали остатки каши по своим недавно умытым мордашкам. Она всплеснула свободной рукой, быстренько усадила засмеявшуюся Тонечку на высокий стульчик и снова потащила мальчишек в ванную. А вернувшись через пять минут, и Тонечку тоже застала за увлекательнейшим занятием — девчонка, схватив обеими ручками оставленный на столе пакет с манкой, с таким же упоением рассыпала ее по полу кухни.